

Смена поколений в немецкой философии и ее политические последствия

Сергей Григоришин ¹

Аннотация: В статье анализируются последствия смены поколений в немецкой интеллектуальной среде и их влияние на политический ландшафт ФРГ. Автор рассматривает беспрецедентный уход из жизни ведущих представителей второго поколения Франкфуртской школы (Ю. Хабермаса, А. Клуге, О. Негта, К. Оффе) как ключевой фактор дестабилизации демократического дискурса. В работе исследуется биополитическая конкуренция поколений, упадок влияния левой мысли и медиацентристского консенсуса на фоне стремительного роста рейтингов партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Автор делает вывод о трансформации роли публичных интеллектуалов и угрозе праворадикального переформатирования общественно-политической повестки в Германии.

Ключевые слова: Немецкая философия, Франкфуртская школа, биополитика, теория поколений, АдГ, публичные интеллектуалы, политический кризис

Весной 2026 года в немецкой философии и политической жизни произошли события, которые на их пересечении высвечивают зловещую тенденцию в формировании общественного ландшафта ФРГ в течение ближайших 2,5 лет, кульминацией чего станут выборы в Бундестаг в начале 2029 года. 14 марта 2026 г. в Штарнберге умер знаменитый философ и социолог Юрген Хабермас, а всего через неделю, 25 марта, в Мюнхене ушел из жизни кинорежиссер и философ Александер Клуге. Смерть Хабермаса сильно потрясла немецкое общество, так как именно он в течение полувека незримо определял общественное мнение среднего класса, по крайней мере той его части, которая на выборах обычно отдавала свой голос СДПГ. Клуге, более известный как режиссер художественных фильмов, чем мыслитель, был, однако, неотъемлемой частью второго поколения Франкфуртской школы, написав в

¹ Сергей Григоришин – канд. филос. наук. Научные интересы: феноменология, экзистенциальная философия, критическая философия общества. Сайт: <https://grygoryshyn.netlify.app>. Телеграм-каналы: Existenzphilosophie https://t.me/existenz_philosophie, Философия кино: <https://t.me/PhilosophyOfCinema>. You-Tube-канал: Sergey Grigorishin <http://www.youtube.com/@SergeyGrigorishin>

соавторстве с Оскаром Негтом труды по критической философии общества, выразившие преемственность взглядов первого и второго поколений школы. Удивительно и то, что соавтор Клуге, Оскар Негт, тоже умер совсем недавно: его не стало в Ганновере 2 февраля 2024 года. Наконец, еще один из известных философов этого круга, Клаус Оффе, в молодые годы работавший ассистентом у Хабермаса, таким же образом был вписан в мрачную закономерность. Он умер 1 октября 2025 года. Общая картина выглядит так, что за какие-то 2 года и 2 месяца внезапно ушли из жизни все ведущие представители второго поколения Франкфуртской школы, что для истории философии кажется беспрецедентным случаем. Здесь следует уточнить, что все они были в преклонных годах: Оффе на момент смерти было 85 лет, Негту — 89, Клуге — 94, Хабермасу — 96. Если этот список дополнить умершим в 2017 г. Карлом-Отто Апелем, которому было 95 лет, складывается общая картина их невероятного творческого, умственного и физического долголетия. Под таким углом зрения удивительным может показаться не столько поочередный уход этих философов в мир иной, сколько способность до последних дней жизни оставаться в повестке дня немецкой политической и общественной жизни. В первую очередь это касается Юргена Хабермаса, взгляды которого самым непосредственным образом влияли на образ мысли высокообразованных слоев общества, но и Негт, Клуге и Оффе имели свою стабильную, хоть и не такую большую, как у Хабермаса, аудиторию.

Можно также предположить, что только сейчас, когда философское и социологическое наследие авангарда второго поколения франкфуртцев вполне измеримо, внимание к их взглядам может быть распределено по-новому. При жизни Клуге и Негта их три-четыре написанных в соавторстве труда не получили существенного резонанса как в самой Германии, так и за ее пределами, что не могло не сказаться на авторитетности их мысли. Но если взглянуть на эту ситуацию с точки зрения полемики со взглядами Хабермаса, тоже, кстати, претерпевшими существенные изменения от середины 1960-х до середины 2020-х, то внутренние дискуссии в социал-демократических кругах, несмотря на их многомерность и разноречивость, строже всего могут быть реконструированы по линии Апель-Хабермас с одной стороны и Негт-Клуге с другой. Можно подумать также о том, что исследования этих, изложенных в объемных монографиях дискуссий, имеют не столько историко-философскую, сколько актуальную политическую ценность. Всем очевидный кризис левых политических партий в Германии прямо пропорционален кризису в левой мысли, а потому та искра, которая вспыхнула между двумя философскими системами внутри второго поколения франкфуртцев, может зажечь огонь в каждом, кто погружается в сущность этой многолетней полемики. С другой стороны, несмотря на эти внутренние споры, не стоит преувеличивать и видеть в них «огонь на поражение». Скорее наоборот, в этой диалектической борьбе обе стороны, более социальная Негта и Клуге и более демократическая Хабермаса, открывали возможность формирования общей легальной левой повестки, как

та сформировалась еще в период правления Гельмута Коля и просуществовала вплоть до действующего канцлерства Фридриха Мерца.

Этой исторической параллелью, связывающей левую философскую мысль, сформировавшуюся в начале 1980-х гг., с правлением ХДС/ХСС, положено основание для анализа текущих политических событий, которые я охарактеризовал как «второе злое событие». Во второй половине марта в Германии выкристаллизовалась новая политическая тенденция: согласно опросам, проведенным институтами изучения общественного мнения INSA, Forschungsgruppe Wahlen, Ipsos, Forsa, Infratest dimap и Allensbach, рейтинги ХДС/ХСС и АдГ сначала сравнивались, а потом, с самого начала апреля, рейтинг ХДС/ХСС стал постепенно снижаться, тогда как рейтинг АдГ стал неуклонно подниматься вверх. Согласно новому опросу, проведенному институтом INSA в период 19–22 июня, отставание консерваторов от радикалов стало угрожающим. Исследование показало всего 21,5 % для ХДС/ХСС против 29 % поддержки АдГ. А с учетом того факта, что рейтинг нынешнего партнера по коалиции консерваторов, партии СДПГ, колеблется между 12–13 %, становится ясно, что АдГ все меньше будет принимать во внимание мнение партий коалиционного правительства и стремится к цели получить на выборах 2029 года монобольшинство в Бундестаге.

Хотя внешне эти два события (одно философское, а второе политическое) никак между собой не связаны, нет никакого препятствия прийти к умозаключению об уже произошедшем общественном перекосе, когда политический вес консерваторов и умеренных левых неуклонно снижается, тогда как правые завоевывают все больше симпатий. А главное здесь то, что нет никаких признаков торможения этой тенденции, а потому велика вероятность, что существующая коалиция даст трещину и политические партии пойдут на досрочные выборы. Пока был жив Хабермас, выступавший в подобных случаях общественного беспокойства в роли морального авторитета и относительно объективного арбитра, общественное мнение можно было если не изменить в корне, то хотя бы на него повлиять. Сейчас же, весной и летом 2026 года, подобного авторитета не существует, что сильно ослабляет иммунитет немецкого общества против политической демагогии и правого популизма.

Невооруженным глазом видно, как в геометрической прогрессии увеличивается присутствие АдГ в средствах массовой информации, и сложно себе представить, чтобы за кулисами уже в это время не происходили договоренности политиков и крупного бизнеса о новой конфигурации немецкого государства во внутренней и внешней политике. При всех известных недостатках и издержках публичного дискурса, который на протяжении своей жизни Хабермас уверенно защищал в качестве способа поддержания и политической перестраховки демократии, деформация такого дискурса неизбежно влечет за собой угрозу радикализма. Особенно если исходить из того факта, что историческая память немцев с каждым поколением все меньше

чувствует себя связанной с историческим прошлым, усматривая упоминания о нем как фактор постороннего психологического насилия, нацеленного на вменение коллективной вины людям, никак лично со всем этим не связанным. Попытки демократических сил зацепиться за хабермасовское понятие *Verständigung* вряд ли найдут отклик у большинства граждан, так как экономическое падение Германии уже не просто абстрактная статистика, а положение дел в большинстве домохозяйств страны.

Зловещий характер одновременного ухода из жизни Хабермаса, Негта, Клуге и Оффе и резкий подъем рейтингов партии Алисы Вайдель и Тино Хруппаллы красноречиво свидетельствуют о произошедшем на наших глазах разрыве демократического дискурса, опорой которого долго служила философия. Чтобы не сложилось впечатления о сгущении красок и излишней драматизации двух рассмотренных событий, давайте посмотрим, кто сегодня определяет философский ландшафт в Германии. Как и в других странах мира, немецкие философы в условиях жизни в информационном обществе обязаны строить публичные выступления с оглядкой на политическую повестку дня, все меньше получая возможность высказывать общие суждения исходя из личной позиции. Превращение философов в публичных интеллектуалов и превращение публичных интеллектуалов в политических экспертов привело к целому ряду негативных последствий. Во-первых, фигура телевизионного или интернет-эксперта ведет философов к стиранию своей профессиональной идентичности. Если судить по самим высказываниям, отвлекаясь от конкретного узнаваемого имени, то из разговора сложно уловить, кто, собственно, говорит: политик, ученый или, например, писатель. Причиной тому является то, что сами философы сознательно избегают тяжеловесных, непривычных уху обычного телезрителя понятий и формулировок. Как следствие, вместе с ростом личного бренда все меньше происходит идентификация такого эксперта с философом. Во-вторых, перенаселенность политических программ, ток-шоу и интервью экспертами приводит к измельчанию их мнений в представлении общественности, что естественным образом сказывается на авторитете конкретных специалистов.

Но оставим до лучших времен никак не решаемую сейчас проблему и перейдем к непосредственному анализу публичного философского поля в Германии. Нет более явного различия правой и левой философской мысли, чем тема миграции и сопутствующего ей миграционного кризиса. Здесь я исхожу из довольно очевидной предпосылки, что открытые или закомуфлированные правые всегда выступают за ужесточение миграционного законодательства и, в идеале, закрытие для эмигрантов как физических границ государства, так и социального доступа в немецкое общество. И наоборот, защиту мигрантов и беженцев от политики я буду называть признаком левой мысли. Такой критерий во многом упрощает более сложную картину реально существующих политических взглядов, однако позволяет очертить строгие границы между двумя противоборствующими сторонами.

Если исключить из анализа действующих политиков АдГ, то на самом деле правый спектр будет представлен только завуалированным и хорошо скрытым дискурсом, тяготеющим скорее к бытовому, а не политическому шовинизму. Самая правая риторика в этом спектре интеллектуальной жизни принадлежит Тило Саррацину, который после публикации в 2010 г. книги «Германия, самоликвидирующаяся» стал главным выразителем нетерпимости к мигрантам. Учитывая мгновенный широкий резонанс, вызванный публикацией книги, становится понятно, что еще до миграционного кризиса 2015 года общественное мнение Германии было глубоко пронизано подобными взглядами.

Гораздо более осторожную позицию в относительно правом спектре занимают Рюдигер Сафрански и Петер Слотердаик, которые, напомним, с 2002 по 2012 годы были ведущими главной интеллектуальной телевизионной программы Германии «Философский квартет». В большом интервью швейцарскому философу Иву Боссарту на вопрос об отношении к проблеме миграции Слотердаик несколько уклончиво отвечал в том духе, что мы должны сами решить, как нужно относиться к тому, что Германия сама себя постепенно уничтожает. Даже с учетом того, что Слотердаик выражал мысль о неприятии миграции с помощью присущих ему художественных метафор, трудно было не обратить внимание, как эти мысли, высказанные в 2019 году, перекликаются со взглядами Тило Саррацина. Более того, спустя полных десять лет с момента публикации книги бытовой шовинизм пронизал общественное мнение с такой силой, что за ним уже было сложно усмотреть личное мнение одного автора. Иначе говоря, к моменту интервью Слотердаика общественное мнение перешло к переломному моменту, когда подобные взгляды не встречали существенного сопротивления и тем более не приводили к порицанию.

Латентная, хорошо скрытая за многослойным символическим языком, тяготеющая к правому центру риторика дуэта Слотердаик-Сафрански органично встроена в открытое и набирающее скорость политическое правое движение в Германии. Это пересечение интересов бытового шовинизма, выраженного в обтекаемых формулировках публичных интеллектуалов, с ультраправой политикой АдГ и подъемом ее рейтингов демонстрируют ряд уязвимостей левой философской мысли, по-прежнему крепко ассоциирующейся с Франкфуртской школой.

В этом отношении важно не сбиваться на поверхностное описание исторического противостояния левых, центристов и правых в старой и новой ФРГ. Политическая философия и политическая экспертиза способны проанализировать публичные высказывания философов, но слабо ориентируются в биополитическом пространстве, где и расположено таинственное место актуальной идеологической борьбы. Биополитика в предложенном здесь понимании трактуется ровно в том смысле, как ее понимал Фуко, а именно как контроль и управление рождаемостью,

продолжительностью жизни и смерти (Фуко, «Нужно защищать общество»). Для меня очевидно, что биополитика может быть классифицирована по национальному признаку. Таким образом, вполне корректно говорить, например, о французской, итальянской, американской, британской, немецкой, швейцарской, украинской или русской биополитике. И такие примеры можно множить до бесконечности. Кроме того, биополитика охватывает все население определенного национального государства, а значит, и философы, как статистическая единица, этому принципу классификации подчинены.

Немецкая общественно-политическая жизнь первой четверти XXI века характеризуется биополитической конкуренцией философских поколений, что естественным образом отражается в позициях публичных интеллектуалов и их расстановке на политической шахматной доске. Биополитический взгляд на немецкую философию требует внимательного отношения к биологическому возрасту философов в связке с их идеологической позицией. Собственно, трагедия ухода из жизни Хабермаса, Клуге, Негта и Оффе состоит как раз в том, что они на протяжении своей долгой жизни, разумеется, каждый в своем философском масштабе, служили центральной осью между радикальной левой и радикальной правой политической повесткой. Близость Хабермаса к левому центру уравнивалась тяготеющими к правому центру Слотердайком и Сафрански. Но уже в этом напряжении двух центризмов была заложена бомба замедленного действия, отсчет до взрыва которой служили даты рождения этих мыслителей.

Согласно Strauss-Howe generational theory, люди, рожденные с 1928 по 1945 годы, относятся к Silent Generation, а люди, рожденные с 1946 по 1964 годы, названы Baby Boomers Generation. Следовательно, второе поколение Франкфуртской школы: Юрген Хабермас (1929–2026), Александер Клуге (1932–2026), Оскар Негт (1934–2024), Клаус Оффе (1940–2025) относятся к Silent Generation. В это же поколение входят другие известные социальные философы, конкурирующие и полемизирующие с франкфуртцами: Никлас Луман (1927–1998), Томас Лукман (1927–2016), Питер Бергер (1929–2017). И всего немного старше их — близкий Хабермасу Карл-Отто Апель (1922–2017). Сюда следует отнести находившихся долгое время в тени директоров Frankfurter Institut für Sozialforschung в период с 1969 по 2001 годы Людвиг фон Фридебурга (1924–2010) и Герхарда Брандта (1929–1987). Собственно говоря, философы, рожденные с 1922 по 1927 годы, тоже с полным правом могут быть отнесены к Silent Generation. Петер Слотердаик (1947) четко вписывается в Baby Boomers Generation, и совсем вплотную к этому поколению — Рюдигер Сафрански (1945).

Биополитический взгляд на возраст двух поколений философов без сомнений указывает на то, что в этой гонке на длинную дистанцию побеждает тот, кто моложе. Поэтому весна 2026 года имеет столь судьбоносное значение в разворачивании в будущее как немецкой философии, так и немецкой политики. Закономерным будет поставить вопрос, почему я не противопоставляю паре

Слотердайк-Сафрански третье поколение Франкфуртской школы. Действительно, Хабермасу удалось оставить после себя круг учеников, которые продолжают дело его коммуникативной теории общества, иногда выходя даже за ее границы, то есть соприкасаясь с критической теорией общества первого поколения. Аксель Хоннет (1949) и Шейла Бенхабиб (1950) являются ведущими мыслителями этого поколения. Однако сразу два фактора влияют на то, что третье поколение не может в полной мере наследовать второму. Во-первых, уже в 1990-е годы, а тем более с начала нового века, вес интеллектуала все более сопоставлялся с публикацией хорошо продаваемого философского бестселлера и, как следствие, мощным медиаприсутствием на каналах ZDF и ARD. Ранее упоминаемая программа «Философский квартет», где ведущими были Слотердайк и Сафрански в период с 2002 по 2012 годы, практически монополизировала телеэфир, охватывающий интеллектуальное пространство Германии. В то же время Хабермас полностью игнорировал телевидение, отдавая предпочтение постоянному медиаприсутствию в газетах и журналах. То же случилось с Хоннетом и Бенхабиб. Пока новое поколение философов активно осваивало телекоммуникации и, чуть позже, интернет-активность, третье поколение франкфуртцев почти не появлялось на немецком ТВ.

Во-вторых, и Бенхабиб, и Хоннет были тесно связаны с американским академическим миром, который поглощал их внимание и время, что сказалось на их слабой популярности в Германии. Приведу два примера. В главной философской передаче немецкоязычного мира, создаваемой в Швейцарии, а именно в Цюрихе, Sternstunde Philosophie, Хоннет был приглашен всего один раз в связи с публикацией книги «Die Idee des Sozialismus. Versuch einer Aktualisierung» (2015), а Шейла Бенхабиб там появилась только в связи с очередным юбилеем Хабермаса. Все это говорит о том, что критическая теория общества в ее широком толковании потеряла инициативу в формировании немецкого публичного дискурса, вследствие чего даже самая осторожная левая и левоцентристская мысль в Германии потеряла даже номинальное влияние. Несколько удивляет, что долгое совместное существование сразу двух поколений одной школы в едином общественно-политическом дискурсе не только не увеличило влияние этой школы, но скорее даже его затормозило. Ко всем этим факторам нужно присоединить и то, что третье поколение франкфуртцев даже с умеренным левоцентризмом второго поколения оказалось бледной копией последнего. По сути, мы имеем дело не с социализмом или социал-демократией, а с ностальгирующим о левой молодости и нашедшим свое место под солнцем либерализмом. Хорошим тому примером может служить упомянутая выше книга Хоннета «Идея социализма», где мы находим попытку несколько мучительной рефлексии и желание переиграть прошлое, как бы задним числом вписав себя в давно несуществующую на высоком общественном уровне немецкую левую повестку.

Со смертью Хабермаса, Негта, Клуге и Оффе ушла Германия, которая упорно продолжала свою жизнь со времен Аденауэра. Теперь нет тех, кто жил

бы с оглядкой назад на левое прошлое. Новое поколение философов не видит моральной или интеллектуальной связи с франкфуртцами, которые во многом сами содействовали подобному положению дел. Уход с общественно-политической сцены даже самых умеренных левых философов автоматически усиливает правых. Буквально на днях, 4 июля этого года, прошел большой съезд АдГ в Эрфурте, где Алис Вайдель и Тино Хруппалла были переизбраны сопредседателями, что свидетельствует как минимум о стабильности ведущей правой политической партии, что не может не беспокоить в преддверии выборов 2029 года. Тем не менее в биополитической перспективе есть и положительные стороны, дающие право надеяться на то, что вместо ушедших в историю франкфуртцев постепенно придут интеллектуалы нового образца. На самом деле они уже появились и активно действуют в медийном поле. И здесь также мы наблюдаем закономерность, отраженную в теории поколений, поскольку самые известные публичные интеллектуалы ФРГ вписаны в Generation X (1965–1980). Снова подчеркну, что один-два года не играют здесь большой роли, и рожденные, например, в 1964 году, конечно же, точно и без какого-либо сомнения должны быть отнесены к поколению X.

Перед тем как назвать конкретные имена, я хотел бы отметить серьезное изменение в расстановке сил, где противоположность между левыми и правыми не играет той роли, какую она играла еще 20–25 лет назад. На полупустом пространстве левых оказались интеллектуалы нового поколения, представляющие широкий спектр позиций, принципиально дистанцированных от традиционных идеологий. Здесь мы находим феминистическую теорию, климатических активистов, идейных вдохновителей свободного интернета, эмансипированных интеллектуалов. Но главное влияние в немецком медиапространстве имеют публичные интеллектуалы, независимые от институционализированной философии, живущие скорее в статусе авторов научно-популярных книг.

Уход левых из публичного пространства Германии привел, как мне кажется, к необратимым последствиям. Некогда единая политическая и общественная структура, имеющая силу и власть, способная оказывать помощь незащищенным группам населения, приняла правила игры центра и в виде аморфной социал-демократии, где левая идеология сохранила лишь номинальное положение, практически отказалась от своей исторической функции. Однако, пока политические партии находили функциональный компромисс, немецкое общество постепенно пришло к самоорганизации и выдвинуло ряд общественных интеллектуалов, которые резко и точно формулировали ответы на самые болезненные и злободневные вопросы. Если сравнить старое, относительно монолитное партийное левое движение и современные ситуативные, оторванные одни от других мелкие группы, то налицо уязвимое положение вторых. Как правило, они сегментированы и закрыты в своих локальных коллективах, редко интересуясь общей панорамой

общественно-политической жизни, сосредоточившись лишь на отдельных болезненных точках.

Покуда сами социальные группы лишь находят точки взаимного соприкосновения, государственные и частные медиа немецкоязычного мира — не только Германии, но также Австрии и Швейцарии — совершили некую операцию, которую я бы назвал переводом социального единства дискурса в медийное. Медиа творчески подошли к решению проблем недовольного социальным положением населения. Темы миграционного кризиса, цифровизации, проблем в сфере здравоохранения и целый ряд других проблем артикулировались аккуратно подобранными спикерами, которые имели четкое представление о том, что они должны говорить внутри медийного квазисоциального дискурса. Привыкание сознания людей к тому, что их насущные проблемы они делегируют конкретным публичным интеллектуалам, привело к предсказуемым последствиям, а именно к тому, что «неправильные» рассуждения оказались отбракованы и отсеяны. Философское ток-шоу, как правило, строится по единому алгоритму. Под конкретную проблему выбирают спикера, чьи взгляды существуют в виде книги, желательно интеллектуального бестселлера, то есть такого эксперта, который успел зарекомендовать себя как лидер общественного мнения задолго до того, как ему представилась возможность на регулярной основе посещать ток-шоу и транслировать свою позицию.

Если снова вернуться к теме поколений и рассмотреть публичных спикеров с позиции их биологического возраста, то видно, что речь идет преимущественно о поколении X (1965–1980). Также мы отмечаем закономерность, что стандартную схему стоит сдвинуть буквально на два-три года (что мы могли наблюдать на ранее приведенных примерах), и, следовательно, в этом отдельном случае мы будем проводить отсчет от 1962 года. Вот далеко не полный список публичных интеллектуалов, представляющих на сегодняшний день целое созвездие философов, писателей и ученых: Роберт Пфаллер, Рихард Давид Прехт (1964), Райнер Форст (1964), Хартмут Роза (1965), Илья Троянов (1965), Каролин Эмке (1967), Карло Масала (1968), Юли Це (1974), Свеня Фласпёлер (1975), Филипп Хюбль (1975), Флоренс Гоб (1977), Франциска Шутцбах (1978) и т. д. Важно также отметить, что самые популярные ток-шоу ведут и руководят течением бесед журналисты того же поколения: Майбрит Иллнер (1965), Анне Вилль (1966), Сандра Майшбергер (1966), Маркус Ланц (1969), Карен Миоска (1969) и Барбара Бляйш (1973).

В идеологическом разрезе публичные интеллектуалы, научные эксперты, признанные писатели и ведущие журналисты прочно занимают центристские позиции, чутко реагируя на каждое высказывание, где слышны отголоски правых или левых идей, единогласно признаваемых в качестве слишком радикальных. Медиагиганты вроде немецких ZDF и ARD или швейцарской SRF более 20 лет удерживали публичный консенсус, строго пресекая трансляцию

идей, подрывающих этот консенсус. И тем не менее наплывающие волнами информационные поводы, начиная с проблемы беженцев в 2015 году и заканчивая войной на Украине, постепенно расшатали ранее устойчивую центристскую медиаимперию, что, опять-таки, заметно по невероятной популярности партии АдГ и сопутствующей ей правой идеологии, что в полной мере было осознано только к 2025-2026 годам. Из этого следует неутешительный вывод, что публичные интеллектуалы хорошо контролируют общественное мнение только в относительно спокойные времена. Когда же наступает эпоха кризиса, то достаточно всего одного десятилетия, чтобы общество ушло из-под медийного контроля и перестало трактовать правый радикализм в качестве запретной идеологии.

Серьезные опасения вызывают настоятельные попытки правых изменить актуальный политический словарь, что особенно очевидно на примере выдавливания из публичного дискурса понятия «общество» и его замены понятием «народ». Именно так звучала речь Алисы Вайдель на съезде АдГ в Эрфурте в начале июля этого года. Интересно наблюдать две линии противостояния в стратегии идеологической трансформации медийного пространства. С одной стороны, существует попытка не видеть «слона в комнате» и, как ни в чем не бывало, объяснять телезрителям твердость и незыблемость позиции центра. С другой же — политическая мутация центристов в правых не могла не затронуть и медийных фигур, которые все чаще обязаны уделять больше внимания проблемам, транслируемым правыми политиками. И тогда возникло нечто, что уже немного стало забываться, а именно: часть публичных интеллектуалов, которым обычно было свойственно лавировать между мнениями, вдруг на уровне предпосылок оказались на стороне левых. Смогут ли эти прецеденты перерасти в долгоиграющую тенденцию, нам покажет самое ближайшее время.
